

руки дѣло организаци подростоваго поколѣнія, привить безбожіе дѣтямъ. Этой темѣ въ одномъ изъ предыдущихъ номе-

ровъ «Вѣстника» была уже посвящена отдѣльная статья.

И. Лаговскій.

Русская церковь или духовное сословіе?

Въ статьѣ И. А. Лаговскаго «Мнѣ отмѣненіе» вопросъ объ оцѣнкѣ церковной политики митрополита Сергія ставится на новую почву — я бы сказалъ социальную. Конечно, и новая постановка не исчерпываетъ всей его сложности. Ставя свою тему съ возможно большей четкостью, я сознательно опустилъ всѣ осложняющіе моменты. Заслуга И. А. въ томъ, что онъ указываетъ на эту сложность, хотя бы въ одномъ лишь разрѣзѣ. Называя постановку его социальной, я нѣсколько расширяю ее. Социальная жизнь Россіи, трагическая судьба ея общественныхъ классовъ: рабочихъ, крестьянъ, интеллигенціи — не входитъ въ его кругозоръ (т. е. данной статьи). За то страдальческая судьба русскаго духовенства ощущается имъ изнутри, кровно, по-сыновски. Имъ онъ начинается, имъ и кончается.

Замѣчательнъ самый подходъ автора къ проблемѣ русскаго духовенства: не отъ іерархически-церковнаго значенія клира, а отъ бытовой категоріи сословія, «какъ извѣстной социальной формы». И. А. любитъ говорить о плоти: о «плотянномъ облеченіи исторіи», о «плоти и крови русской церковной дѣятельности». Эта настойчивость даже нѣсколько беспокоитъ. Безъ плоти нѣтъ, конечно, полноты жизни, а почему же не исходить изъ проблемъ духа? Кажется, для христіанина это обязательно. И клиръ, какъ церковная, а не социальная форма, призванъ выразить именно это господство духа надъ социальной плотью. Потому онъ и называется духовенствомъ.

Взятое, какъ социальная форма духовенство оказывается сословіемъ — на ряду съ другими, напр., военнымъ. Его церковный долгъ соотвѣтствуетъ «чести полка». Невозможно спорить противъ положительнаго смысла социальной этики. И. А. глубоко правъ и въ томъ, что видитъ національную русскую традицію въ смиреніи подвига, какъ бы растворяющагося въ коллективѣ. Но онъ противопоставляетъ ее героизму, который не встрѣчаетъ его одобренія. Однако, отказъ отъ личной отвѣтственности приводитъ къ древнему натурализму (несомнѣнно, русская опасность). Христосъ освобождаетъ личность отъ кровныхъ, плотяныхъ, родовыхъ и социальныхъ узъ, чтобы сдѣлать ее свободно соединенной съ Собой, и никогда вторичное церковное освященіе плоти и социальной жизни не можетъ упразднить этого христіанскаго первофеномена. Безъ него нѣтъ и христіанства.

Спускаясь въ исторически-общественный міръ, мы видимъ, что социальная этика (недостаточная вездѣ) становится совершенно непригодной во времена социальныхъ катастрофъ. Если полкъ, если сословіе, если нація предаетъ себя, что дѣлать личности? Ити въ плѣнъ со своимъ полкомъ, въ Интернаціональ съ Россіей, въ Живую Церковь со своимъ сословіемъ? Послѣдній примѣръ заставляетъ вспомнить, что движеніе Живой Церкви или обновленцевъ въ 1923 г. было какъ разъ сословнымъ движеніемъ благаго духовенства, и сломлено было это движеніе прежде всего сопротивленіемъ

мірянъ. Конечно, не потому, чтобы міряне обладали болѣе глубокой церковной культурой, а просто потому, что они въ борьбѣ за церковное дѣло подвергались меньшему риску и не имѣли никакого сословнаго злопамятства противъ монаховъ и епископовъ.

Вдумываясь въ ходъ мыслей И. А., невозможно понять, какая черта отдѣляетъ ихъ — не отъ прогрессивныхъ теорій, — а отъ практики обновленческаго движенія. Не случайно митр. Сергій отдалъ въ свое время дань обновленческому движенію — вѣроятно, вовлеченный въ этотъ же порочный кругъ.

Вотъ почему фактъ зарожденія новаго несловнаго («интеллигентскаго») духовенства въ Россіи, надо привѣтствовать. И. А. презрительно относится къ церковной интеллигенціи. — Ея грѣхи я знаю (максимализмъ и пр.). Эти грѣхи прежде всего связаны съ тѣмъ потрясеніемъ, въ которое приведена интеллигенція, оглушенная революціей. Но она несетъ въ себѣ начало личнаго подвига, личной жертвы, свободнаго избранія Христа — безъ которыхъ нѣтъ христіанства.

2.

И. А. не идеализируетъ Россію. Страстно любя ее, онъ не боится обнажать ея язвы. Онъ рисуется ужасное зрѣлище «хриstopродавцевъ», онъ знаетъ трагедію учителя, который «воровской походкой» идетъ къ ранней обѣднѣ, а въ школѣ соблазняетъ малыхъ сихъ кошунственными стихами Демьяна Бѣднаго. Но онъ оправдываетъ этого учителя, — не лично его, а его дѣло, его путь, связывая его съ путемъ русской церкви и митр. Сергія. Дѣлаетъ онъ это не легко, не такъ, какъ люди «съ точками зрѣнія», сознавая, что не можетъ быть оправданія « по человѣческому суду», что не можетъ вообще быть нравственнаго исхода

изъ конфликтовъ русской жизни. Но тѣмъ не менѣе выборъ онъ дѣлаетъ опредѣленный, формулируя его въ слѣдующихъ словахъ: «войти во всю тяжесть существующей исторической обстановки, сознательно принять сплетенность лжи, обмана, насилія, нечестности, открытаго богоборчества... какъ неизбѣжную данность, **въ формахъ и условіяхъ** (курсивъ автора) которой, преодолевая, но не отменяя, придется творить свое дѣло». Дѣлать дѣло въ формахъ и условіяхъ лжи и богоборчества. Несмотря на умышленную запутанность этой формулы, смыслъ ея ясенъ. Живя въ Россіи, надо участвовать въ пропагандѣ безбожія, чтобы обезпечить себѣ возможность культурной дѣятельности. На вопросъ о границахъ допустимаго для христіанина компромисса И. А. отвѣчаетъ: никакихъ границъ, — вплоть до отреченія отъ Христа*). Въ защиту такого пониманія «кровнаго» и «плотскаго» христіанства, онъ неоднократно ссылается на слова ап. Павла: «Я желалъ бы самъ быть отлученъ отъ Христа за братьевъ моихъ; родныхъ мнѣ по плоти». Незамѣтно совершается подмѣна — вмѣсто «отлученія отъ Христа» — «отреченіе отъ Христа», которая мѣняетъ все. Апостоль готовъ взять на себя тяжесть вѣчныхъ мукъ, разлуки со Христомъ — для спасенія своего народа. Но онъ никогда не отречется отъ Христа вмѣстѣ со своимъ народомъ. Впрочемъ,

*) Считаемо, нужно указать, что эти страшныя слова только субъективный и, смѣемъ думать, невѣрный выводъ Г. П. Федотова, якобы вытекающій изъ статьи И. А. Лаговскаго. Въ статьѣ И. А. Лаговскаго «граница» указана опредѣленно — живая личная обращенность ко Христу, любовь къ Нему, горячая вѣра во Христа, вѣрность Ему до смерти — основное и несомнѣнное, при наличіи и силѣ ихъ только и можно допустить и понять подвигъ схождения въ «тьму кромѣшную».

Редакція.

разрывъ ап. Павла съ іудействомъ и выходъ его на проповѣдь язычникамъ самъ по себѣ говорить о томъ, какое мѣсто занимаетъ для него «плоть и кровь» въ іерархіи духовной жизни.

И. А., давая свою формулу, не ограничиваетъ ея ословно. Разрѣшенная для педагога проповѣдь безбожія, остается какъ будто допустимой и для священника. Если бы какому-нибудь багюшкѣ, для спасенія своего храма отъ закрытія, случилось стакнуться съ Союзомъ безбожниковъ, снабжая его матеріаломъ для пропаганды, а то и самому (анонимно что ли) участвуя въ ней, то его пришлось бы оправдать по формулѣ И. А. Пришлось бы оправдать и самого митр. Сергія, если бы онъ поступалъ такимъ образомъ. Нужно преклониться передъ тѣмъ, кто «ежедневно сходитъ во тьму смертную, въ ровъ преисподній». (А кто живетъ въ преисподней?).

Я считаю, что такая защита топить митр. Сергія, и что онъ самъ никогда не согласился бы участвовать въ «сплетенности богоборчества», хотя и «принялъ сознательно сплетенность лжи». Я не думаю тѣмъ болѣе, что русская церковь, даже масса рядового духовенства, идуть по этому пути «лжи и богоборчества», указываемому И. А. Но бываютъ соблазны, — быть можетъ, на каждомъ шагу — когда приходится выбирать между сохраненіемъ своего дѣла; школы, храма — и отреченіемъ отъ Христа. Для христіанина тутъ нѣтъ и выбора. Выборъ можетъ ставиться лишь въ болѣе тонкихъ формахъ соблазна. И тутъ *advocatus diaboli* не могъ бы найти лучшихъ аргументовъ, чѣмъ эта философія нисхожденія «въ ровъ преисподній», которая обосновывается всего удобнѣе не отъ апостола Павла, а отъ апостола Іуды.

3.

Конечно, о богоборчествѣ И. А. гово-

рить съ запросомъ. Тутъ онъ защищаетъ не митр. Сергія, а того педагога-церковника, который для него типиченъ, какъ православный мірянинъ сергіанской паствы. Въ богоборчествѣ митр. Сергія не повиненъ. Дѣло идетъ пока что о лжи, «возведенной въ систему». И. А. доказываетъ, что природа совѣтскаго государства такова, что «всякая активность въ ея условіяхъ неизбежно принимаетъ характеръ лжеподобія». «Каждый всегда частично и правъ, частично и не правъ, преступенъ». Если бы это было безусловной правдой, то это являлось бы поразительнымъ открытіемъ въ этикѣ — въ сущности этику упраздняющимъ. Чтобы зависимость личности отъ общества могла приводить къ неизбежности для нея преступления, — надо убивать всякую свободу и отвѣтственность человѣка. Въ дѣйствительности, слѣдуетъ сказать: въ Россіи чрезвычайно трудно жить, не участвуя во лжи (и преступленіи). Это мы знаемъ, какъ знаемъ и то, что лучше люди стараются свести къ *minimum*’у этотъ неизбежный коэффициентъ лжи, а самые строгіе изъ нихъ находятъ для себя возможнымъ и вовсе во лжи не участвовать. Невѣрно, что этимъ они обрекаютъ себя на общественную пассивность. Значеніе исповѣдничества истины можетъ являться (даже навѣрное является) болѣе дѣйственнымъ, чѣмъ всякая систематическая работа организаци и педагогики. Но, считаясь съ человѣческой слабостью и неизбежностью компромисса, необходимо всегда ставить вопросъ о его предѣлахъ. Указать эти предѣлы заранѣе и издали невозможно. Въ противоположность тому, что принято думать въ нашей средѣ, слѣдуетъ сказать: чѣмъ выше общественное положеніе лица и уваженіе къ нему, тѣмъ меньшую (а не большую) тяжесть грѣха онъ можетъ взять на себя, ибо тѣмъ больше соблазна онъ вносить въ міръ.

Мірянинъ можетъ убить и получить прощеніе. Священникъ, пролившій кровь, не можетъ совершать литургіи. Педагогъ — подневольный безбожникъ отвратителенъ, но можетъ быть терпимъ въ русскихъ условіяхъ. Священникъ-безбожникъ не терпимъ нигдѣ. Потому то клевета и ложь митр. Сергія потрясли весь міръ, что онѣ произнесены въ столь высокоомъ мѣстѣ. Мы привыкли, что въ Россіи лгутъ и раболѣпствуютъ ученые, писатели, инженеры. Но никто въ мірѣ и въ самой Россіи не примирится съ тѣмъ, чтобы священникъ или епископъ требовали смертной казни для невинныхъ «вредителей». Ученые, писатели своимъ грѣхомъ отстаиваютъ культуру, которая для большинства изъ нихъ имѣетъ абсолютное значеніе. Если же Церковь присоединяется къ надругательству надъ правдой, что ей дѣлать въ этомъ мірѣ?

Это воображаемый примѣръ. Но митр. Сергій довольно близко подошелъ къ оправданію казни — не инженеро-вредителей, а православныхъ священниковъ. И цѣна этой лжи совѣмъ другая, чѣмъ лжи несчастныхъ интеллигентовъ.

Замѣчательно: мы не слышимъ о священникахъ, которые бы участвовали въ коллективныхъ злодѣяніяхъ совѣтской «общественности». Средній «батушка», на котораго ориентируется И. А., вовсе не слѣдуетъ его путемъ. Этотъ скромный, незамѣтный батюшка, дѣйствительно, идетъ, когда Богъ позоветъ, на мученичество, — потому что онъ ощущаетъ предѣлъ компромисса, потому что политика и педагогика не заглушили въ немъ христіанской совѣсти.

И. А. правъ: не надо противопоставлять «Церковь мучениковъ» русской церкви вообще. Но нельзя также и сливать ихъ. Вѣдь, обновленчество вышло изъ русской церкви — въ значительной мѣрѣ и вернулось въ нее. Какъ и вездѣ, въ русской церкви есть люди разнаго кали-

бра — святые и грѣшныя, мужественные и слабые. Не въ этомъ дѣло, — мученики всегда меньшинство. Но хотѣлось бы, чтобы церковный народъ (и міряне и духовенство) имѣли въ страшный часъ испытаній пастырей, которые не глушили бы ихъ совѣсти и не затрудняли бы и безъ того труднаго пути исповѣдничества. Такіе пастыри, конечно, есть. Но къ ихъ числу не принадлежитъ митр. Сергій, и, какъ національный организмъ, русская церковь лишена духовнаго оформленія. Великая заслуга ея, честь и слава, что примѣръ ея номинальнаго главы не преломляется въ ея повседневной приходской жизни, спокойно оправданной практикой предательства и преступленій.

4.

Что покупается цѣной столь тяжкаго «вхожденія въ сплетенность лжи»? И. А. указываетъ на необходимость сохраненія «четкой церковной организаціи» въ виду угрожающихъ народу опасностей — не атеизма — а мистическаго сектанства. Духовенство — хранитель церковнаго «разума» противъ огненной асхатологической стихіи. Можетъ быть, И. А. и переоцѣниваетъ значеніе этой стихіи, но здѣсь онъ освѣдомленъ лучше насъ всѣхъ, ему и книги въ руки. Однако, думается, едва ли религіозную стихію можно обуздать организаціей. Огненная духовность сектанства можетъ быть побѣждена лишь огненной духовностью Церкви. Думается, что половина и успѣха сектанскаго движенія въ Россіи, объясняется именно этой «четкостью» церковной организаціи, за которой не всегда зрима огненная природа христіанства. Мы всѣ повторяемъ, но съ какой слабой долей вѣры, — «что кровь мучениковъ — сѣмя Церкви». Мы не хотимъ себѣ представить, что въ городѣ съ закрытыми храмами, можетъ быть явлена большая пол-

нота вѣры, любви и силы таинствъ, чѣмъ въ соборахъ съ архіерейской службой — напр., отобранныхъ обновленцами.

Какъ странно, въ самомъ дѣлѣ, что въ защитѣ «экономической», педагогической линіи поведенія забывается о самомъ главномъ: о вліяніи моральнаго примѣра, стойкости, мужества на массу, развращенную и одураченную ея вождями. Сколько коммунистовъ обращались въ христіанство, сталкиваясь съ неожиданнымъ для нихъ образомъ чистоты и самоотверженія въ мнимо-лицемѣрной Церкви. И обратно, сколько слабыхъ и колеблющихся должны отталкиваться отъ Церкви примѣромъ слабости, словомъ лжи, исходящимъ изъ устъ пастырей. Если политика патріарха и первыхъ лѣтъ митр. Сергія (строгой аполитичности Церкви) должны были облегчить народу (рабочимъ и крестьянамъ) возвращеніе въ Церковь, то соблазнительная ложь іерарховъ должна подрывать довѣріе къ Церкви, бросать массу именно въ объятія мистическихъ и рационалистическихъ сектантовъ. Въ силу вѣчной диалектики жизни, злая послѣдовательность, т. е. доведеніе до абсурда правильной вначалѣ линіи мысли и поведенія, превращается въ свою противоположность: перестаетъ служить той цѣли, которая ее оправдываетъ. «Новая религіозная политика» митр. Сергія, въ истолкованіи И. А., защищаетъ интересы той группы старыхъ и «вѣрныхъ» церковниковъ, которые не могутъ отказаться отъ храма, даже отрекаясь отъ Христа. Но она теряетъ свой приглатательный, будящій, просвѣтительный смыслъ для народа, для Россіи.

Церковь запрещаетъ искать мученичества. Мы должны бороться за храмы. Но безумна мечта «спасать Церковь» цѣной отреченія отъ Христа. Въ концѣ концовъ, мы не знаемъ пути, которымъ Богъ ведетъ Россію. Можетъ-быть, на этомъ пу-

ти ее ждетъ полное прекращеніе легальной церковной жизни. Франція прѣшла черезъ это въ эпоху своей революціи, когда въ теченіе года были затворены всѣ христіанскіе храмы, когда литургія совершалась въ сараяхъ и лѣсахъ. Католическая Церковь нашла въ этомъ гоненіи новыя силы. Арсскій кюрэ, причисленный къ лику святыхъ, получилъ свой христіанскій закалъ ребенкомъ въ потаенной, катакомбной церкви. Во всякомъ случаѣ, правда, церковная и историческая, были не на споронѣ «конституціоннаго» духовенства, которое «спасало» Церковь.

Это не значитъ, что я предпочитаю катакомбы, какъ та русская церковная интеллигенція, которую ужасяетъ И. А. Но я не боюсь ихъ. Выборъ дается не нами. И мы хорошо сдѣлали бы, если бы въ своемъ нравственномъ самоопредѣленіи не узурпировали бы правъ Божественнаго Провидѣнія, которое одно стоитъ надъ ограниченностью личныхъ путей.

5.

Пути митр. Сергія И. А. противопологаетъ путь его противниковъ, отрицающихъ культурно-историческія задачи Церкви, во имя эсхатологической святости. Въ оцѣнкѣ этого направленія, голосъ котораго звучитъ всего громче въ рядахъ противниковъ митр. Сергія, мы съ И. А. сходимся. Это зародышъ новаго старовѣрія, испуганнаго антихристомъ и уходящаго изъ міра въ лѣса и пустыни. Но, какъ Петръ противопоставилъ расколу послушную синодальную церковь, такъ и сергіанское принятіе государства въ своемъ развитіи должно привести къ возсозданію государственно-послушной синодальной церкви въ Россіи. Если возглавитель Церкви приноситъ такія жертвы предъ лицемъ власти гонителей, то какихъ жертвъ онъ не принесетъ власти

благосклонной, а тѣмъ паче власти христіанской, общающей Церкви свое покровительство. Сергіанское направленіе грозитъ лишитъ Церковь плодовъ ея кроваваго очищенія. Столь мучительно разорванныя узы съ государствомъ, завяжутся вновь, и при томъ въ самой невыгодной для Церкви обстановкѣ. Снова — политика, политиканство, полиція на мѣстѣ святѣ; отлученія отъ церкви монархистовъ, республиканцевъ, социалистовъ — все равно, кого; а главное — защита неправды, социальной, политической, тѣмъ болѣе опасная и соблазнительная, что она имѣетъ за собой вѣковую традицію.

Этимъ обоимъ путямъ — расколу и

государственному рабству — противопоставляется путь свободы, путь патріарха Тихона. Только этотъ третій путь пожинаетъ достойно жатву крови, посѣянную мучениками, и не обезпложиваетъ терпѣнія и страданія миллионновъ страстотерпцевъ. Правда этого третьяго пути, мы вѣримъ, сознается большинствомъ духовенства и мірянъ русской Церкви, къ чьей бы юрисдикціи они ни принадлежали. И они найдутъ свою дорогу, руководимые Духомъ Святымъ, даже въ томъ случаѣ, если заблудившіеся пастыри покинутъ ихъ посреди пути.

Г. Федотовъ.

Отвлеченно-духовная церковность.

Въ отвѣтной статьѣ Г. П. Федотова поставленъ новый рядъ сложныхъ жизненныхъ темъ. Къ нимъ, какъ и къ темамъ, оставшимся не затронутыми отъ первой статьи, Богъ дастъ, вернемся въ слѣдующей статьѣ и этимъ закончимъ пока обсужденіе этого цикла темъ. Но о многомъ, что затронуту въ статьѣ Г. П., нужно сказать, хотя бы очень кратко, сейчасъ же, чтобы не было недоразумѣній, чтобы расчистить почву для правильныхъ отвѣтовъ на волнующіе жгучіе вопросы.

**

Прежде всего — говоря о духовенствѣ, я имѣлъ и имѣю въ виду прежде всего и больше всего именно его церковное служеніе, какъ клира, какъ «соціальной формы», для которой пастырскій долгъ, пастырская совѣсть, пастырская отвѣтственность есть основное и опредѣляющее. Особенности психологіи духовенства, какъ «соціальной формы», отмѣчены потому, что, исходя изъ нихъ, легче правильно понять современный церковный путь духовенства, форму церков-

наго служенія. Духовенство оказалось той частью единаго церковнаго организма, которой больше всего и больше всего приходится выносить тяжесть религіозной борьбы. Вѣрующіе рабочіе, крестьяне, интеллигенція не такъ обнажены, беззащитны противъ систематическаго культурнаго и бытового гнета, удрученія религіозной жизни. У нихъ есть извѣстныя гарантіи, возможность самозащиты, возможность укрыться за коллективъ, даже просто утонуть, быть незамѣтнымъ среди массы, среди безликаго «всѣ». Вся тяжесть гонимаго положенія цѣликомъ и непосредственно обрушивается — ощутительнѣе всего и по преимуществу — на духовенство. Духовенство, именно потому, что оно духовенство, потому, что вся жизнь и дѣятельность его есть словное, какъ бы матеріально выраженное служеніе духу, обречено на страданіе, на мученичество за Христа. Для духовенства въ совѣтской Россіи нѣтъ иного пути, иной жизни, какъ путь непрерывнаго, ставшаго формой повседневной жизни, тихаго